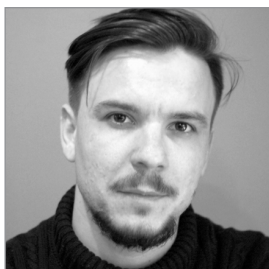

«КРИЗИС РЕПРЕЗЕНТАЦИИ» В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ НА РУБЕЖЕ 1980–1990-х ГГ.: КРИТИКА ПРОЦЕССА ПОЗНАНИЯ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ НАРРАТИВОВ

Руденко Николай Иванович – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник. Социологический институт РАН. Российская Федерация, 190005, г. Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д.25/14. Ассоциированный сотрудник. Европейский Университет в Санкт-Петербурге. Российская Федерация, 191187, г. Санкт-Петербург, Гагаринская ул., 3а; e-mail: nckrd@mail.ru

«Кризис репрезентации» – это дискуссия середины 1980–1990-х гг. в социальных науках, в ходе которой были поставлены под сомнение легитимность больших социологических теорий, проведена деконструкция научных текстов и раскритикован процесс научного познания, основанного на позитивистских принципах. В данной статье автор предлагает анализ интеллектуального контекста развития социальных наук (социологии и антропологии), который привел к данному кризису, а также характеризует сам кризис в двух измерениях. Прежде всего, кризис коснулся процесса познания в социальных науках, основанного на принципе единства методов и понятий: ряд социальных исследователей продемонстрировал роль языка в конструировании, а не отражении, реальности. Другие авторы указали на неявное моральное и политическое измерение научной работы, наконец, третьи подвергли деконструкции фигуру ученого и представления о том, что такое реальность в социологических исследованиях. Кроме того, кризис проявился в критике построения научных текстов, в которых были обнаружены имплицитные смыслы и риторические фигуры. На взгляд автора, интерес в реконструкции кризиса репрезентации состоит в необходимости более рефлексивного подхода к собственной научной деятельности сегодня.

Ключевые слова: кризис репрезентаций, социальные науки, научное познание, научный текст, постструктурализм, постмодернизм, критическая теория

“THE CRISIS OF REPRESENTATION” IN THE SOCIAL SCIENCES IN THE MIDDLE OF 1980-1990s: CRITICS OF THE PROCESS OF COGNITION AND SOCIOLOGICAL NARRATIVES

Nikolai Rudenko – PhD in sociology, senior research fellow. Sociological Institute, Russian Academy of Science. 25/14 7-Krasnoarmeiskaya Str., Saint Petersburg, 190005, Russian Federation. Associated research fellow. European University at Saint Petersburg. 3a Gagarinskaya Str., Saint

“The Crisis of representation” – a discussion that was held from the middle of 1980 to the middle of 1990 s in social sciences, when the legitimation of the big social theories was questioned as well as the deconstruction of scientific texts and the process of knowing, based on positivistic principles, were done. In this article the author offers the analysis of intellectual context of the development of social sciences (sociology and anthropology) in the crisis. The latter are analyzed in three aspects. Firstly, the crisis concerned the process of knowing, based on principle of the unity of methods and concepts: some authors argued the

Petersburg, 191187, Russian Federation; e-mail: nckrd@mail.ru

influential role of language in the construction of reality. Other authors referred to implicit moral and political dimensions while the third provided deconstruction of the scholar figure and the notion of reality. In a similar vein, the crisis was articulated in the critics of scientific texts where implicit meanings and rhetorical devices were found. To the author's view, the need of reconstruction of the crisis of representation can be explained by the want of more reflexive approach to the practices of social sciences today.

Keywords: the crisis of representation, social sciences, scientific process of knowing, scientific text, poststructuralism, postmodernism, critical theory

Введение

Эта статья – попытка обозначить особенности кризиса научной репрезентации в социальных науках, важного научного события, которое породило многочисленные интеллектуальные новации (публичную социологию, постмодернистскую этнографию, концептуальные повороты 1990–2000-е гг.). В рамках кризиса были серьезно поставлены вопросы этики, политики, эстетики в научной работе. Кризис репрезентации проявился в трех основных аспектах: эпистемологии научного познания, практиках написания текстов и построении социальной теории. В ходе кризиса был подвергнут резкой критике позитивизм (в разных вариациях) и продемонстрировано риторическое измерение социальных наук. Наконец, кризис выразился в критике теорий об обществе как идеологических и замкнутых самих на себя.

В статье мы коснемся лишь истории кризиса репрезентации в социологии и антропологии, оставив вне своего внимания другие социальные науки, например, историю или географию¹. История кризиса социологии и антропологии менее известна. Кроме того, он был вызван набором единых проблем, приведших к кризису старой позитивистской парадигмы. Речь будет идти в основном об англо-американской социологии и антропологии, где кризис репрезентации проявил себя наиболее ярко, чем в других странах.

¹ См. об истории кризиса репрезентации в истории: [Потапова, 2015]; в географии: [Thrift, 2007].

Интеллектуальный контекст дискуссии о кризисе репрезентации

Основной источник кризиса стоит искать на десятилетие раньше, в 1960–1970-е гг. В 1977 г. влиятельный социолог Ричард Браун опубликовал книгу «Поэтика для социологии» [Brown, 1977]. Он отметил, что социология конца 1970-х гг. находится в кризисе, связанном с функционированием отдельно существующих друг от друга теоретических традиций (функционализм, эмпиризм, микросоциология), между которыми ведется набор перманентно продолжающихся (и не разрешаемых) дискуссий. Это, прежде всего, дискуссия о номотетизме и идеографии, который в современной социологии «принял форму экспериментально-статистической методологии против участвующего наблюдения или клинических методов» [Brown, 1977, p. 10]. Другая дискуссия касается отношения между «абстракциями высокого уровня» и описаниями «низкого» [Brown, 1977, p. 12–13]. Каким образом объединить всеохватывающие претензии структурного функционализма и небольшие эмпирические опросы, приводящиеся тысячами в разных государственных учреждениях и университетах? Эти дискуссии развились к 1980-м гг. до такой степени, что привели к кризису репрезентации в социальных науках.

Другая важнейшая дискуссия проходила в это время между неомарксистами и неопозитивистами². Влияние левой мысли в США в 1960–1970-х гг. было столь же мощным, как в Европе [Szelenyi, 2015; Lamont, 1981]. Для критических социологов вера позитивистов в однозначные факты и доказанные с помощью математики закономерности была неприемлема, поскольку предполагала идею постижения реальности как она есть. Тем самым исключалась любая альтернатива и консервировалось состояние статус-кво в как в познании, так и в социальной и политической деятельности. Вспомним, что уже в 1930-е гг. Макс Хоркхаймер проводит разницу между традиционными и критическими теориями, отмечая, что первая отделена от способа своего применения и объекта, вторая – «в качестве своего объекта имеет человека как создателя исторического способа своей жизни во всей своей тотальности» [Frisby, 1983, p. xxvi]. Тем самым критические теоретики отвергают беспредпосылочное и объективное познание, обращаясь к понятиям интересов, гегемонии и власти. Объектами критики политизированной социологии были не только парсонские построения, но и конкретные методы, например, опрос (survey research), который с помощью выборки и использования мате-

² Стоит отметить, что дискуссия о позитивизме в социальных науках имела места и раньше, например, в 1960-е гг., в немецкой социологии [Adorno, Adey, Frisby, 1983].

матики производил впечатление объективного исследования [Brown, 1977, p. 14]. Структурный функционализм и массовые опросы критиковались как «господствующая идеология правящего класса» [ibid.]. «Моя концепция социальных наук», пишет в предисловии к одной из самых известных социологических книг того времени «Социологическое воображение» критический теоретик Чарльз Миллз, «противостоит представлению о социальной науке как набору бюрократических техник, которые препятствуют социальному познанию своими “методологическими претензиями”, которые переполняют эту работу мракобесными концепциями или которые тривиализируют ее, затрагивая неважные и нерелевантные для публики проблемы» [Mills, 1959, p. 20]. Именно это, т. е. набор тривиальных техник социального познания, на взгляд Миллза, приводит к кризису в социальных науках [ibid.]. Согласно Миллзу, аполитизм социологической науки ужасающим образом проявляет себя на фоне таких важнейших событий в человеческой истории, как экономические кризисы, война и деколонизация. В 1970-м г. канадский социолог Джон О’Нил в статье «Социология как торговля телом» (“Sociology as a skin trade”) также отмечает, что социология переживает рост политизации общества и предлагает отказаться от «сциентизма, ценностной нейтральности и профессионального социологизма» [O’Neill, 1970, p. 102].

Нужно сделать шаг в сторону и отметить, что политизация в социальных науках привела к популяризации качественных этнографических исследований в социологии и антропологии 1970–1980-х. Один взгляд на первые номера начавшего выходить в 1972 г. журнала “Journal of Contemporary Ethnography” дает представление о наборе тем, которые стали репрезентироваться в научном дискурсе: проституция, преступность, ограбления, сопротивление полиции, гомосексуализм, расовые отношения, сексуальность и т. д. [JCE, 1973]. Совершенно очевидно, что эти темы были сложны для «объективного» анализа: это касается и процесса сбора информации, и интерпретации. Стоит прибавить сюда вполне леволиберальную риторику, с которой были написаны эти работы, чтобы понять, что кризис репрезентации и связанные с ними проблемы авторского голоса и голосов информантов, этические вопросы, феминистское и постколониальное измерение, – это вполне понятный результат эволюции качественной этнографии. Несмотря на связь со стилем Чикагской школы (полевые этнографические исследования, долгое пребывание в поле, включенное наблюдение), невозможно не отметить уход в сторону большей рефлексивности и отказа от однозначности используемых описаний.

Стоит также отметить роль микросоциологических традиций в артикуляции кризиса позитивизма. Это можно однозначно сказать о символическом интеракционизме, который в 1970–1980-х гг. нуждался в обновлении эпистемологии и методологии. Именно интеракцио-

нисты стали одними из тех, кто принял тезис о социальном конструировании реальности, поскольку он коррелировал с их собственными представлениями о социальной жизни. Главный методолог и отец-основатель символического интеракционизма Герберт Блумер балансировал между реализмом (его позиция, что нужно проводить исследования внутри естественных условий, чтобы ближе подойти к исследуемой реальности) и конструктивизмом (с его идеей, что разные социальные миры создаются разные, плюральные вселенные смыслов) [Hammersley, 1992, p. 44–45], но его ученики уже были в целом конструктивистами. Именно интеракционисты стали искать связей с критическими культурными исследованиями [Becker, McCall, 1990], выдвинув тезис о том, что культура и знание не могли быть отделены от социальных, а значит, и политических отношений. Они также стали говорить о важности неопределенности, эмерджентности, гибкости и текучести социальной жизни: темах, которых станут популярными в 1990–2000-х гг. [Fujimura, 1991, p. 208]. И именно интеракционист Н. Дензин стал ведущим идеологом привлечения постструктурализма в социологию, а также главным редактором журнала постмодернистской этнографии “Qualitative Inquiry” [QI, 2016].

Этнометодология с ее фокусом на ситуативных и локально-производящихся порядках также сыграла важную роль в критике эпистемологии позитивизма [Frisby, 1983, p. xlii]. Этнометодология радикализует тезис о релятивности реальности (вслед за А. Шюцом, Л. Витгенштейном и П. Винчем) и бросает вызов реализму [Hammersley, 1992, p. 46–47]. Неудивительно, что создатель акторно-сетевой теории – главного теоретического прорыва в 1990-е гг., Бруно Латур, выдвинувший тезис о локальном и партикулярном характере любой структуры, – черпал вдохновение для своих книг именно в работах Г. Гарфинкеля [Latour, 1979].

В оставшейся части статьи мы обратимся к двум основным измерениям кризиса в социальных науках в 1980–1990-е гг.: это кризис научного познания в виде проблематизации позитивистской модели исследования, это кризис научных текстов в виде неактуализированности их имплицитной риторики.

Кризис репрезентации в научном познании

Позитивизм (или схожие с ним реализм, сциентизм, объективизм) в 1980-е гг. продолжал оставаться основной мишенью для критики в социальных науках. При этом единого определения, что это такое, не существовало. Питер Халфпенни в своей монографии, посвященной разным определениям позитивизма в социологии, выделяет двенадцать

разновидностей этого подхода, начиная прогрессистским определением родоначальника социологии Огюста Конта и заканчивая фальсификационизмом Карла Поппера [Halfpenny, 2014]. Среди разнообразия этого подхода существует некоторое популярное определение позитивизма, привязанное к трем составляющим: единству (монизму) метода (прежде всего, взятого из формальной логики или математики), признанию единства природных законов (связанных причинно-следственными связями с конкретными явлениями) и представлению о возможности взаимодействия (наблюдения) с объектами как они есть (реализм). Именно это определение позитивизма и было во многом раскритиковано в ходе кризиса репрезентации.

Позитивизму были «предъявлены» обвинения с трех основных сторон: со стороны критической теории (которая продолжала свою наступательную критику, начатую еще Франкфуртской школой), постструктурализма и постмодернизма. О претензиях критической теории с ее акцентом на важности интересов и власти в познании мы уже сказали в предыдущем параграфе. С той же позиции выявления властных интересов внутри познания и языка описания позитивизм был раскритикован постструктуралистски- и постмодернистски-ориентированными исследователями. Первые, и среди них в социальных науках можно отметить Дензина, Йоханесса Фабиана, Клиффорда Гирца, Рикку Эдмондсон, вслед за Жаком Деррида делали упор на непроговариваемых, но значимых смыслах в концептуализации и репрезентации общества. Однако постструктуралистские идеи оказались не очень успешными в применении для социальных ученых.

Постмодернизм сделал более удачную «карьеру» в социальных науках³. В этом смысле большую известность получил Мишель Фуко. Его идеи, касающиеся ситуативности дискурса и проникновения власти в познание стали одними из важнейших в социальных науках 1980-х гг., поскольку предполагали связь репрезентации и конституирования реальности, в том числе в отношении маргинальных групп. Если любой дискурс относительный, в том числе в выстраивании собственных категорий истины-ложности, тогда позитивистский социологический дискурс, отмечает в своем введении к книге «Постмодернистский поворот. Новые перспективы в социальной теории» Стивен Сейдман, является в той же степени относительным, но при этом старающимся навязать себя как абсолютный и обязательный для всех [Seidman, 1994, p. 122]. Тем самым он превращается буквально в «полицию социологического мышления», навязывая всем

³ Здесь мы пользуемся различием социолога Бена Этгера в своей статье отделяет постструктурализм от постмодернизма: он показывает, что первый повлиял на акцентуацию научной работы как литературной и риторической, в то время как второй сделал упор в основном на культурные и социальные практики, сделав их дискурсивными, локальными и контингентными [Agger, 1991, p. 120–121].

остальным исследователям свои категории. Схожие идеи выражает и Браун, отмечая, что социальные науки всегда конструируют определенную модель мира и отвергают другие альтернативы [Brown, 1994]. Важность Фуко состояла в том, что он сделал явными социальные и политические контексты научной работы: речь идет не о познании реальности, а о производстве определенного типа знания внутри социальных практик [Agger, 1991, p. 117]. Здесь важно слово «производство», которое, например, использует антрополог Джеймс Клиффорд: нарративы о тех или иных темах, народах, культурах, группах не просто пишутся, они именно производятся, что указывает на более широкие социальные, политические и даже институциональные условия создания данных текстов [Clifford, 1986, p. 13]. Данный ход социального конструктивизма сделал возможным поставить вопрос как экономические и политические факторы (в т. ч., например, академические карьеры антропологов) играют роль в том, какие тексты, в конце концов, создаются внутри социальных наук.

Связующей идеей всех трех критик позитивизма стало то, что язык является инструментом конституирования реальности. Эта идея часто связывает с лингвистическим поворотом. Именно данный поворот повлиял на становление постмодернистской качественной социальной науки, поскольку показал, что суждения (читай – репрезентации) нужно рассматривать не в их отношении к истине (на что претендовал позитивизм), а в их отношении к производимым самодостаточным различиям, которые позволяют социальной реальности существовать. Дензин отмечает, что лингвистический поворот сделал проблематичным допущение, что «теоретики и исследователи имеют непосредственный доступ к “живому” опыту; такой опыт, скорее, создается в самих текстах, которые пишут исследователи» [Denzin, 1995, p. 38]. Дензин, а вслед за ним и другие исследователи, связывают эту идею с кризисом репрезентации [Sparkes, 1995, p. 158–160].

Подобная критика была существенной, но не единственной. Кризис репрезентации не предполагал единства как в оценке, так и предложении вариантов выхода. Помимо постмодернистских идей можно указать на более классические прагматические идеи, которые также высказывались в этот период. Вслед за Ричардом Рорти, который вместо эпистемологической категории «истины» предлагал прагматическое понятие «солидарности» в виде постоянно ведущегося коллективного обсуждения, в котором представления о том, что реально и объективно, меняются [Rabinow, 1986, p. 236], ряд социальных исследователей высказались за отказ от стандартных социологических теорий и процессов получения знания в пользу более прагматических, полезных для общества и эмансипаторных проектов. Марк Готтдинер выступает за то, чтобы «социология обеспечивала общество полезным знанием», которое было бы «прагматическим, применяемым и

релевантным» для публичных дискуссий и проблем [Gottdiener, 1993, р. 660–666]. Ему вторит Сейдман, который озвучивает идею отказа от больших социологических теорий в пользу выработки социального знания под конкретные кейсы для нужд публичных дискуссий [Seidman, 1994].

Сейдмен предложил еще одну критику позитивизма: модель незаинтересованного исследования предполагает, что объект исследования и его внутренние проблемы совершенно не важны для исследователя. Однако более близкое знакомство последнего с «полем» ставит перед ним этические и моральные вопросы: каким образом исследование может способствовать улучшению жизни изучаемых групп? Не пострадают ли они в ходе публикации исследования? Что делать с существующим неравенством, характерным для определенных групп населения? Эти вопросы трансформируют позитивистское исследование, насыщая его моральным измерением. Поэтому Сейдмен предлагает с самого начала ввести мораль и этику в осмысление целей и практик научного исследования. Он выступает за «нарративную деонтологию» – рассказывание историй об определенных группах с точки зрения определенной моральной установки [Seidman, 1991]. Отголоски этих идей можно увидеть в том, что сегодня многие учебники по качественным методам полны глав об этических вопросах, а крупнейшие университеты создают этические комитеты, которые решают, насколько то или иное исследование соответствует нормативным этическим категориям.

В осмыслении кризиса были и более классические решения. Например, британский антрополог М. Хаммерсли сосредоточил свое внимание на кризисе реализма. «До какой степени этнографические нарративы могут легитимно утверждать, что репрезентируют независимую реальность?» – вот один из главных вопросов, которыми задается Хаммерсли. Первая проблема здесь состоит в том, что собирание данных в этнографическом поле связано с субъективностью исследователя и его преференциями в отношении собираемого материала [Hammersley, 1992, р. 9]. Вторая проблема заключается в том, что описание поля должно быть близким к конкретной реальности и одновременно отражать некоторые общие черты всей человеческой социальной жизни (выражаться через общие категории) [Hammersley, 1992, р. 10]. Хаммерсли полагает, что эти проблемы могут быть решены так, чтобы не уйти в ритористский релятивизм, который после Деррида предлагают Клиффорд, Маркус и Гирц, а именно в понимание, будто все, что имеет смысл в этнографическом тексте – это убедительность автора в демонстрации других культур и народов [Geertz, 1988]. Его альтернатива – это неокантианский подход: существует множество, почти бесконечное, способов описания одной и той же реальности, и этнограф должен эксплицитно

осознавать те основания (вслед за Риккертом Хаммерсли говорит о ценностях), на которые опирается его собственное описание. Такое описание, пропущенное через отрефлексированные категории, не будет сконструированным или искусственным, оно будет реальным, но реальность будет ему придаваться за счет внутренних для данных описаний оснований валидности, в которых мы должны быть уверены [Hammersley, 1992, p. 15].

В итоге кризис научного познания был актуализирован социальными исследователями конца 1980-х – начала 1990-х гг. в следующих категориях: сам язык концептуализации, наблюдения и методов был раскритикован как конструирующий свои собственные категории истинности и содержащий непроговариваемую модель реальности; понятие истины было переопределено через коллективное прагматическое определение солидарности или полезности для публики или сообщества; объективность познания была деконструирована как скрывающая моральные и этические выборы исследователя; наконец, реализм был раскритикован как опосредованный субъективными ценностями исследователя. Каждая из критик, как мы попытались показать, исходила от разных авторов и подпитывалась разными теоретическими рамками: неомарксизмом, постструктурализмом, прагматизмом, конструктивизмом, неокантианством. Однако все вместе они продемонстрировали несостоятельность существующего положения в социальных науках и предложили альтернативы по их изменению.

Кризис репрезентации в научных текстах

Позитивизм в период кризиса представлялся как в качестве определенных принципов, на которых основывается процесс научного познания, так и принципов написания научных текстов. Как отмечает Клиффорд, после XVII в. европейская наука исключила в качестве ненаучных три составляющих своих текстов: риторику, фикцию и субъективность ради объективного, правдивого и прямого (plain) описания мира [Clifford, 1986, p. 5]. Однако анализ текстов социальных наук, предпринятый в 1980-е гг. **разными авторами, продемонстрировал тот факт, что все эти ненаучные аспекты всегда присутствовали в текстах об обществе, но были завуалированы и спрятаны.**

Уже упоминавшийся Ричард Браун не только поставил диагноз социологии своего времени, но и обратился к инструменту, который станет очень популярным в рамках кризиса репрезентации десятилетие спустя: риторике. Несмотря на то, что Браун хочет предложить более универсальный язык говорения о любых теоретических традициях в социологии, его ход несомненно критический,

поскольку тем самым от отмечает, что никакая социологическая теория не претендует на истину, это определенный язык, в котором есть правила и паттерны, которые нужно вскрыть. Например, метафора или ирония, характерные для многих социологических текстов [Clifford, 1986, p. 5].

Эксплицитно критический ход в отношении социологических текстов делает Эдмондсон в книге «Риторика в социологии». Для нее важно вскрыть несоответствие между тем, что заявляется в социологических учебниках и параграфах про методологию исследования, и самим нарративом-описанием поля. Эдмондсон отмечает, что как бы автор-социолог ни желал спрятать свои личные политические интересы, эстетические вкусы и отношение к тем или иным информантам или проблемам, объективности не получается. Авторы намеренно или нет пользуются риторикой – набором практик для организации текста, чтобы сделать его более понятным читателю и предложить свою интерпретацию поля. Она выделяет одиннадцать риторических фигур в социологических текстах, например, юмор, аргумент от авторитета, использование примера или гипотипозиса (живого и красочного изображения какого-либо события, словно оно происходит перед глазами читателя) [Edmondson, 1984, p. 38]. Эдмондсон на нескольких примерах показывает, насколько многие социологические тексты риторичны и направлены на организацию читательского внимания. **И это ставит вопрос о том, а чем тогда отличаются художественный и научный тексты?**

Попытку ответа на этот вопрос можно найти в книге Роберта Нисбета «Социология как форма искусства». В ней Нисбет пытается продемонстрировать то, что до XIX в. не существовало разделения между объективным научным текстом социальных наук и субъективным произведением искусства. В XIX в. Нисбет находит множество схожих черт в том, как социальная реальность изображается классиками социальных наук: Дюркгеймом, Зиммелем, Вебером, Марксом, и тем, как она изображалась сквозь призму живописи или буржуазных художественных романов [Nisbet, 1967]. Анализ Нисбета не только имел своей целью раскритиковать слишком «объективные» социальные науки, но и убедить их в том, чтобы обратиться к литературе за ресурсами для своего письма и мышления.

Брауна, Эдмондсон и Нисбета можно назвать сторонниками риторического поворота в социологии, который убедительно показал, что текст отнюдь не нейтральный инструмент передачи знаний о некоторой социальной реальности, он предполагает одновременно акты интерпретации, риторического убеждения и подчеркивает большую роль исследователя в отборе и изображении реальности. Любопытно, что анализ риторики текстов социальных наук был проведен ими еще до того, как стали популярны идеи Деррида или Фуко.

Риторическое измерение можно назвать одним из аспектов кризиса научных текстов. Другой важный аспект – это используемые ими нарративные структуры. Построение и рассказывание историй – это уже определенные стратегии в организации читательского внимания, который отражает не только на структуре, но и на содержании рассказываемого. Часто подобные стратегии определяются институциональными условиями. Джон ван Маанен, один из классиков организационной этнографии, указывает на совокупность социальных конвенций в способе письма, которые к концу 1980-го г. были приняты этнографическим сообществом. Он выделяет три вида таких конвенций: реалистскую, которая предполагает создание авторитарного авторского голоса и репрезентацию явлений, словно роль автора в этом минимальна и он занимает позицию незаинтересованного наблюдателя; исповедальную (*confessional*), когда «этнограф обращается к личным склонностям, недостаткам характера, плохим привычкам как способам построения автопортрета, с которым читатель мог бы себя идентифицировать» и импрессионистскую, которая «когда читателям рассказывают незнакомую историю, заставляя их словно бы слышать, видеть и чувствовать то, что происходило вокруг полевика, который это описывает» [Van Maanen, 2011, p. 103]. Пишущие этнографы находятся под воздействием своих собственных авторитетов, научных руководителей, а также более общих социальных факторов. Они пишут для определенной аудитории и примерно знают, как нужно написать, чтобы аудитория приняла их письмо. В таком конструктивистском повороте важно как подчеркивание роли социальных факторов, так и отказ от постановки вопроса в эпистемологическом ключе.

Наконец, одна из самых влиятельных критик текстов социальных наук состояла в проблематизации авторитарного авторского голоса. Какой бы из нарративных стратегий, описанных ван Мааненом, ни пользовался исследователь, он всегда описывает разворачивающийся перед ним мир, в котором он, будучи главным героем видит, слышит и фиксирует данные, имплицитно или эксплицитно. «Этнографический реализм», пишет антрополог Коул, «соответствует научным конвенциям, которые конструируют власть и объективность, используя пассивный голос, дистанцируя автора от данных... исследователь конструируют себя и свою позицию как инструмент кодирования и декодирования других» [Cole, 1991, p. 39]. «Многоголосность», отмечает Клиффорд, «была ограничена в традиционных этнографиях, давая голос только автора, а другие, информанты, только цитировались. Но как только диалогизм и полифония осознаются как способы текстуального производства монофоническая власть ставится под вопрос, давая возможность существованию науки, которая может репрезентировать культуры» [Clifford, 1986, p. 15].

Заключение

Дискуссии о позитивизме пронизывают развитие социальных наук со времени их основания. В данной статье мы сфокусировались на одном периоде, середине 1980-х – начале 1990-х гг., в котором эти дискуссии разгорелись как никогда ярко и в рамках которого были раскритикованы все составляющие позитивизма: единство метода, легитимность теоретической позиции, объективность наблюдения и возможности текстуальной репрезентации. Этот период получил название кризиса репрезентации, хотя, как следует из статьи, кризис был не один, их было множество, в зависимости от того, какие авторы, из какой теоретической рамки, и что проблематизировали в социальных науках этого периода. В ходе исследования мы обнаружили как минимум три критических позиции в отношении научного познания: во-первых, ряд авторов после лингвистического поворота деконструировал представление о языке как нейтральном передатчике смыслов; во-вторых, был раскритикован субъект познания и понятие реальности с прагматических позиций; в-третьих, была актуализирована роль моральной и этической позиции исследователя в ходе познания. Кроме того, мы выявили риторическую критику научных текстов: ряд исследователей обнаружил, что тексты социальных наук полны используемых риторических фигур, определенных нарративных стратегий, управляющих вниманием читателя, и властного авторского голоса.

Список литературы

- Кун, 1970 – *Кун Т.* Структура научных революций. М.: АСТ, 1970. 605 с.
- Потапова, 2015 – *Потапова Н.Д.* Лингвистический поворот в историографии. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2015. 384 с.
- Agger, 1991 – *Agger B.* Critical theory, poststructuralism, postmodernism: Their sociological relevance // *Annual review of sociology.* 1991. Vol. 17. P. 105–131.
- Becker, McCall, 1990 – *Symbolic interaction and cultural studies / Ed. by H.S. Becker, M.M. McCall.* Chicago; L.: University of Chicago Press, 1990. 296 p.
- Brown, 1977 – *Brown R.H.* A poetic for sociology: Toward a logic of discovery for the human sciences. Chicago; L.: University of Chicago Press, 1977. 318 p.
- Brown, 1994 – *Brown R.H.* Rhetoric, textuality, and the postmodern turn in sociological theory // *The Postmodern Turn. New perspectives on Social theory / Ed. by S. Seidman.* Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 229–242.
- Clifford, 1986 – *Clifford J.* Introduction: Partial Truths // *Writing Culture: The Poetics and Politics of Ethnography / Ed. by J. Clifford, G. Marcus.* Berkeley: University of California Press, 1986. P. 1–27.

Denzin, 1995 – *Denzin N.* The Poststructural Crisis in the Social Sciences: Learning from James Joyce // Postmodern Representations. Truth, Power, And Mimesis in the Human Sciences and Public Culture / Ed. by R.H. Brown. Urbana; Chicago: University of Illinois Press, 1995. P. 38–60.

Edmondson, 1984 – *Edmondson R.* Rhetoric in Sociology. L.; Basingstoke: The Macmillan press LTD, 1984. 190 p.

Frisby, 1983 – *Adorno T., Adey G., Frisby D.* The positivist dispute in German sociology. L.: Heinemann London, 1983. 351 p.

Halfpenny, 2014 – *Halfpenny P.* Positivism and Sociology: Explaining Social Life. L.; N.Y.: Routledge, 2014. 122 p.

Hammersly, 1992 – *Hammersley M.* What's Wrong with Ethnography? Methodological Explorations. L.; N.Y.: Routledge, 1992. 230 p.

Fujimura, 1991 – *Fujimura J.* On methods, ontologies, and representation in the sociology of science: Where do we stand // Social organization and social process: Essays in honor of Anselm Strauss. New Brunswick: Transaction Publishers, 1991. P. 207–248.

Geertz, 1988 – *Geertz C.* Works and lives: The anthropologist as author. Stanford: Stanford University Press, 1988. 168 p.

Gottdiener, 1993 – *Gottdiener M.* Ideology, foundationalism, and sociological theory // The Sociological Quarterly. 1993. Vol. 34. No. 4. P. 653–671.

JCE, 1973 – *Journal of Contemporary Ethnography.* URL: <http://jce.sagepub.com/content/by/year/1973> (дата обращения: 30. 11. 2016).

Lamont, 1987 – *Lamont M.* How to become a dominant French philosopher: The case of Jacques Derrida // American Journal of Sociology. 1987. Vol. 93. No. 3. P. 584–622.

Latour, 1979 – *Latour B., Woolgar S.* Laboratory life: The social construction of scientific facts. Los Angeles: The SAGE, 1979. 272 p.

Mills, 1959 – *Mills Ch.* Sociological Imagination. N.Y.: Oxford University Press, 1959. 234 p.

O'Neil, 1970 – *O'Neil J.* Sociology as a Skin Trade // Sociological Inquiry. 1970. Vol. 40. No. 1. P. 101–104.

Rabinow, 1986 – *Rabinow P.* Representations are social facts: Modernity and post-modernity in anthropology // Writing culture: The poetics and politics of ethnography. Berkeley (LA.); L.: University of California Press, 1986. P. 234–261.

QI, 2016 – Qualitative Inquiry. URL: <http://qix.sagepub.com> (дата обращения: 30. 11. 2016).

Seidman, 1991 – *Seidman S.* Postmodern Social Theory as Narrative with Moral Intent // Post-modernism and Social Theory / Ed. by S. Seidman, D. Wagner. Oxford: Blackwell, 1991. P. 47–81.

Seidman, 1994 – *Seidman S.* Introduction // The Postmodern Turn. New perspectives on Social theory / Ed. by S. Seidman. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 1–27.

Sparkles, 1995 – *Sparkes A.C.* Writing people: Reflections on the dual crises of representation and legitimation in qualitative inquiry // Quest. 1995. Vol. 47. No. 2. P. 158–195.

Szelenyi, 2015 – *Szelenyi I.* The Triple crisis of sociology. URL: <https://contexts.org/blog/the-triple-crisis-of-sociology> (дата обращения: 30.11.2016).

- Thrift, 2007 – *Thrift N.* Non-Representational Theories: A Primer. L.; N.Y.: Routledge, 2007. 336 p.
- Van Maanen, 2011 – *Van Maanen J.* Tales of the field: On writing ethnography. Second Edition. Chicago; L.: University of Chicago Press, 2011. 232 p.
- Vidich, Lyman, 1994 – *Vidich A.J., Lyman S.M.* Qualitative methods: Their history in sociology and anthropology // *The SAGE handbook of qualitative research* / Ed. by N. Denzin. L.: The Sage, 1994. P. 37–84.

References

- Adorno T., Adey G., Frisby D. *The positivist dispute in German sociology*. London: Heinemann London, 1983. 351 pp.
- Agger B. “Critical theory, poststructuralism, postmodernism: Their sociological relevance”, *Annual review of sociology*, 1991, vol. 17, pp. 105–131.
- Becker H.S., McCall M.M. (eds.). *Symbolic interaction and cultural studies*. Chicago and London: University of Chicago Press, 1990. 296 pp.
- Brown R.H. *A poetic for sociology: Toward a logic of discovery for the human sciences*. Chicago and London: University of Chicago Press, 1977. 318 pp.
- Brown R.H. “Rhetoric, textuality, and the postmodern turn in sociological theory”, Seidman S. (ed.) *The Postmodern Turn. New perspectives on Social theory*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994, pp. 229–242.
- Clifford J. “Introduction: Partial Truths”, Clifford J., Marcus G. (eds). *Writing Culture: The Poetics and Politics of Ethnography*. Berkeley: University of California Press, 1986, pp. 1–27.
- Denzin N. “The Poststructural Crisis in the Social Sciences: Learning from James Joyce”, Brown R.H. (ed.) *Postmodern Representations. Truth, Power, And Mimesis in the Human Sciences and Public Culture*. Urbana and Chicago: University of Illinois Press, 1995, pp. 38–60.
- Edmondson R. *Rhetoric in Sociology*. London and Basingstoke: The Macmillan press LTD, 1984. 190 pp.
- Fujimura J. “On methods, ontologies, and representation in the sociology of science: Where do we stand”, *Social organization and social process: Essays in honor of Anselm Strauss*. Transaction Publishers, 1991, pp. 207–248.
- Geertz C. *Works and lives: The anthropologist as author*. Stanford: Stanford University Press, 1988. 168 pp.
- Gottdiener M. “Ideology, foundationalism, and sociological theory”, *The Sociological Quarterly*, 1993, vol. 34, no. 4, pp. 653–671.
- Halfpenny P. *Positivism and Sociology: Explaining Social Life*. London and New York: Routledge, 2014. 122 pp.
- Hammersley M. *What's Wrong with Ethnography?: Methodological Explorations?* London and New York, Routledge, 1992. 230 pp.
- Journal of Contemporary Ethnography*. [<http://jce.sagepub.com/content/by/year/1973>, accessed on 30.11.2016].
- Kuhn T. *Struktura nauchnyh revoljucij* [Structure of scientific revolutions]. Moscow: AST, 2003. 605 pp. (In Russian)
- Lamont M. “How to become a dominant French philosopher: The case of Jacques Derrida”, *American Journal of Sociology*, 1987, vol. 93, no. 3, pp. 584–622.

Latour B., Woolgar S. *Laboratory life: The social construction of scientific facts*. Los Angeles: The Sage, 1979. 272 pp.

Mills Ch. *Sociological Imagination*. New York : Oxford University Press, 1959. 234 pp.

O'Neill J. "Sociology as a Skin Trade", *Sociological Inquiry*, 1970, vol. 40. no. 1, pp. 101–104.

Potapova N.D. *Lingvisticheskij povorot v istoriografii* [The linguistic turn in historiography]. Saint Petersburg: EUSPb, 2015. 384 pp. (In Russian)

Qualitative Inquiry [<http://qix.sagepub.com>, accessed on 30.11.2016].

Rabinow P. "Representations are social facts: Modernity and post-modernity in anthropology", *Writing culture: The poetics and politics of ethnography*. Berkeley, Los Angeles, London: Univ. of California Press, 1986, pp. 234–261.

Review Symposium "Crisis of representation", *Journal of Contemporary Ethnography*, 2002, vol. 31, no. 4, pp. 478–516.

Seidman S. "Introduction", Seidman S. (ed.) *The Postmodern Turn. New perspectives on Social theory*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994, pp. 1–27.

Seidman S. "Postmodern Social Theory as Narrative with Moral Intent", Siedman S., Wagner D. (eds.) *Post-modernism and Social Theory*. Oxford: Blackwell, 1991, pp. 47–81.

Sparkes A.C. "Writing people: Reflections on the dual crises of representation and legitimation in qualitative inquiry", *Quest*, 1995, vol. 47, no. 2, pp. 158–195.

Szelenyi I. *The Triple crisis of sociology* [<https://contexts.org/blog/the-triple-crisis-of-sociology>, accessed on 30.11.2016].

Thrift N. *Non-Representational Theories: A Primer*. London and New York: Routledge, 2007. 336 pp.

Van Maanen J. *Tales of the field: On writing ethnography*. Second Edition. Chicago and London: University of Chicago Press, 2011. 232 pp.

Vidich A.J., Lyman S.M. "Qualitative methods: Their history in sociology and anthropology", Denzin N. (ed.) *Handbook of qualitative research*. Thousand Oaks: The Sage, 1994, pp. 37–84.